

К. В. Бабаев

НИГЕРО- КОНГОЛЕЗСКИЙ ПРАЯЗЫК

Личные местоимения

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

К. В. Бабаев

НИГЕРО-
КОНГОЛЕЗСКИЙ
ПРАЯЗЫК

Личные местоимения

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

УДК 811.112.6
ББК 81.2
Б 12

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 13-04-16030

Издание подготовлено при содействии гранта РГНФ
проект № 10-04-00269
«Диахронические процессы и генетические отношения языков Африки»

Рецензенты:
акад. РАН, д-р филол. наук *В. А. Дыбо*, д-р филол. наук *О. В. Столбова*

Бабаев К. В.

Б 12 Нигеро-конголезский праязык: личные местоимения. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 608 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9551-0642-7

Книга посвящена сравнительному анализу систем личного маркирования в языках нигеро-конголезской макросемьи — крупнейшего генетического объединения языков мира. В состав макросемьи входят более 1500 языков Африки южнее Сахары. Целью работы является проведение ступенчатой реконструкции праязыковой системы личных показателей: через системы праязыков групп и семей к праязыку нигер-конго, существовавшему, как предполагается, в Западной или Центральной Африке около десяти тысяч лет назад. Книга призвана продемонстрировать, что парадигматические сходства систем личных показателей в различных семьях языков нигер-конго не могут быть результатом случайности или ареального контакта и должны рассматриваться как свидетельство глубокого генетического родства.

Книга является первым в отечественной научной литературе опытом описания и системного сравнения более 650 нигеро-конголезских языков. Книга предназначена для специалистов по африканским языкам, сравнительно-историческому и ареально-типологическому языкознанию, африканистов, а также для всех, кто интересуется историей и доисторическим развитием человеческого языка.

ББК 81.2

*В оформлении переплета использована фотография К. В. Бабаева
«Набивные ткани адинкра (Гана)»*

ISBN 978-5-9551-0642-7

© К. В. Бабаев, 2013
© Языки славянской культуры, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа¹ является опытом парадигматического анализа систем личных местоимений и личных показателей крупнейшего генетического объединения языков мира – нигеро-конголезской макросемьи Африки. Работа представляет собой попытку доказательства родства нигеро-конголезских языков с помощью реконструкции одной из важнейших парадигматических систем их языка-предка – системы личных местоимений.

В 2013 г. исполняется ровно полвека с тех пор, как американский исследователь Джозеф Гринберг выпустил в свет краткое описание своей гипотезы о распределении языков африканского континента между четырьмя генетическими объединениями, называемыми в литературе макросемьями или, реже, филами: афразийской, нило-сахарской, нигеро-конголезской (ранее часто именуемой также нигеро-кордофанской или конго-кордофанской) и койсанской. В 1963 г. выходит в свет его работа [Greenberg 1963], в которой один из наиболее выдающихся лингвистов XX столетия попытался с помощью своего оригинального метода «массового сравнения» провести контуры генеалогической классификации огромного количества – около двух тысяч – языков Африки. Дж. Гринберг во многом следовал более ранним гипотезам: так, о родстве языков афразийской (более раннее название – семито-хамитской) семьи языков говорили ещё лингвисты первой половины XIX в., идею объединения языков Африки южнее Сахары высказывал В. Блик в середине XIX столетия, а затем Д. Вестерман в начале прошлого века. Тем не менее, так как в работе Гринберга классификацией были охвачены все языки континента, обозначены границы и состав нигеро-конголезской макросемьи, а также предложен и сам термин «нигер-конго», именно 1963 г. можно считать датой появления такой области африканистики, как нигеро-конголезское языкознание.

В течение последующего десятилетия гипотеза Гринберга о существовании четырёх макросемей была позитивно воспринята большинством африканистов и за рубежом, и в СССР. Широким признанием пользуется она и по сей день, несмотря на то что с точки зрения сравнительно-исторического метода обоснования для выделения каждой из четырёх макросемей представлены крайне неравномерно.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №10-04-00269 «Диакронические процессы и генетические отношения языков Африки», Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» и проекта Фонда ФЛИ № А-11 «Недостающие звенья для реконструкции праязыка нигер-конго».

В вопросе о существовании афразийской макросемьи языков (объединяет семитскую, берберскую, кушитскую, чадскую, омотскую семьи, древнеегипетский язык и произошедший из него коптский) можно говорить о достаточном объёме сравнительно-исторических исследований, позволяющем с уверенностью говорить о составе, классификации и внешних связях афразийских языков. Исследования последних десятилетий позволили реконструировать базовый лексический состав, фонологию, основы грамматической системы афразийского праязыка, выдвинуть ряд гипотез о локализации прародин и реконструкции элементов культуры и образа хозяйствования его доисторических носителей. Довольно глубокая степень изученности языков семьи – на сегодняшний день количество неописанных афразийских языков исчисляется единицами – обеспечивает высокий уровень точности лексической реконструкции, глоттохронологических выводов и анализа морфологии.

Несмотря на множество проблем классификации языков макросемьи, реконструкции праязыка и особенно определения прародин афразийцев, степень изученности афразийских языков, общий уровень сравнительно-исторических исследований в области афразийского языкознания в мире могут служить хорошим примером для специалистов, изучающих языки трёх других макросемей африканского континента.

Уровень исследования последних на сегодняшний день значительно ниже. Нило-сахарские языки, несмотря на их относительную малочисленность (около 200), изучены очень слабо, надёжные генетические связи между различными семьями языков, включёнными Дж. Гринбергом в состав макросемьи, установить пока не удаётся. Относительно уверенно можно постулировать родство семей более низкого уровня, входящих в состав нило-сахарских языков: так, однородность языков нилотской, центральносуданской, сахарской семей не подлежит сомнению. Однако достаточно надёжно связать их между собой, а также обосновать родство с ними других языков региона «Великого Судана», такие как коман, кадугли-кронго, фур и другие, пока не получается. В последние два десятилетия были выдвинуты две сильно различающиеся между собой гипотезы о классификации нило-сахарских языков и реконструкции их общего языка-предка [Bender 1996; Ehret 2001], однако обе они продолжают подвергаться серьёзной критике в научном сообществе. Существенный шаг в данном направлении будет сделан с выходом в свет в России монографии Г.С. Старостина [2013].

Говоря о языках койсанской макросемьи (не более 30 языков), носители которой разбросаны по Южной и Восточной Африке, исследователи также нередко выражают неуверенность в её обоснованности. Несмотря на ряд существенных типологических сходств в фонологии и морфосинтаксисе, лексические расхождения между отдельными языками чрезвычайно велики, а сходства вполне могут быть результатом многотысячелетнего процесса языковой конвергенции.

Наиболее существенной между тем остаётся проблема идентификации нигеро-конголезской макросемьи языков. Это объединение по генетическому принципу

является крупнейшим в мире, насчитывая более полутора тысяч известных на сегодняшний день языков, распространённых на огромной площади африканского континента южнее Сахары. Другие языковые макросемьи, постулируемые в разное время и с разной степенью научного правдоподобия, не могут сравниться с ней ни по количеству, ни по разнообразию языков, вовлечённых в орбиту исследования. Между тем по степени изученности нигеро-конголезские языки не могут соперничать ни с языками Северной Африки, ни тем более с языками наиболее исследованных на сегодняшний день генетических объединений – индоевропейской, уральской, семитской и других семей.

Согласно гипотезе Дж. Гринберга, в состав нигеро-конголезской макросемьи входят языки, относимые к следующим десяти крупным семьям: бенуэ-конго (включающей в свой состав в том числе более пятисот языков банту), ква, кру, гур, адамауа-убанги, иджойдная, догон, манде, атлантическая (или западноатлантическая), кордофанская. Их состав, а для некоторых семей и сама валидность по сей день остаётся предметом дискуссии, однако при этом за полвека существования гипотезы макросемья не пополнялась и не теряла входящих в её состав объединений.

Спустя полвека после публикации Гринберга нигеро-конголезская гипотеза продолжает оставаться своеобразным «фантомом» сравнительно-исторического изучения языков мира. Метод «выделения сходств», «массового» или «многостороннего сравнения», принятый автором гипотезы для выявления общего генетического происхождения отдалённо родственных языков, является лишь эмпирическим, субъективистским подходом к одной из сфер языка – лексике – и не может считаться методом для такой парадигматической по своей природе науки, как сравнительное языкознание. Фактически Гринберг подобрал некоторый массив единиц базовой лексики (конкретно в работе 1963 г. приведены соответствия из 186 языков по 49 лексемам: именам существительным, глаголам, прилагательным и числительным, а также – в отдельной главе работы – соответствия 52 «нигеро-конголезским» лексемам в языках кордофанской семьи) на основании их более или менее очевидного внешнего сходства в глазах исследователя. При этом не учитывались ни регулярность фонетических соответствий, ни близость семантики лексемы в различных языках. Данные некоторых языков даны в соответствии с источниками, которые уже на момент написания работы Дж. Гринберга можно было назвать устаревшими. Помимо лексических сопоставлений, автор уделил некоторое внимание аффиксам именных классов, распространённых в нигеро-конголезских языках, их фонетическим и семантическим сходствам.

Работу Гринберга можно и весьма полезно рассматривать лишь в качестве первоначальной, рабочей гипотезы для последующего сравнительного исследования. Однако за истекшие со дня её опубликования пять десятилетий такого исследования так и не было опубликовано, и нигеро-конголезскую гипотезу стало принято рассматривать исключительно в контексте сопоставлений Дж. Гринберга, что привело к неверным выводам как сторонников, так и противников идеи нигеро-конголезского родства.

Во-первых, в корне неверно воспринимать работу Гринберга как собственно *доказательство* родства языков. Как известно, любая гипотеза существования общего предка некоторой группы языков должна быть основана на регулярных фонетических соответствиях, построенной на их основе фонетической системы праязыка, реконструкции праязыкового фонда базовой лексики и морфологии. Гринберг вовсе не стремился выполнить эту работу: да она и вряд ли была возможна в те годы и с тем объёмом языкового материала, который был доступен компаративисту полвека назад. Сам автор, вопреки распространённому в последнее время критическому мнению, вовсе не считал свою работу доказательством генетического родства полутора тысяч языков Африки. Он всегда подчёркивал, что его метод «массового сравнения» является лишь предположением родства, некоторой пунктирной линией, которую ещё предстоит верифицировать с помощью собственно сравнительно-исторического метода, активным поборником которого Дж. Гринберг оставался до конца своих дней.

Во-вторых, совершенно неприемлемо пытаться доказать гипотезу Гринберга без использования сравнительно-исторического метода. И «массовое сравнение», и различные виды нестрогой лексикостатистики, широко применяемые в западной литературе, неизбежно страдают субъективностью подхода. Типологический подход, также весьма популярный в зарубежном африканском языковедении прошлого столетия, характеризуется избыточным значением, придаваемым типологии языковых категорий и значений для сравнения языков и их генетической классификации. Так, к примеру, существование системы именных классов само по себе вовсе не является показателем родства языков. Мнение некоторой части западного научного сообщества о том, что языки с именными классами должны быть причислены к нигеро-конголезской макросемье, а языки, не имеющие классов, напротив, следует из неё решительно исключить, не может считаться основательным хотя бы потому, что наличие или отсутствие именных классов является структурной характеристикой языка, а следовательно, может на поверку оказаться по происхождению как генетическим, так и ареальным по происхождению.

Упор на типологические данные и произвольную лексикостатистику как основу для постулирования языкового родства или внутренней классификации языков нигер-конго характеризовал многие работы европейских и американских учёных второй половины XX в., результатом которых стала, пожалуй, лишь утрата доверия большей части научного сообщества к нигеро-конголезской идее вообще и потенциальной возможности реконструкции праязыка макросемьи в частности. Безусловно, впрочем, что и такие работы, пусть и не основанные на строгом сравнительно-историческом методе, ценны для любого исследователя, к тому же в числе их авторов можно назвать крупнейших учёных-африканистов прошлого столетия.

В-третьих, наконец, за последние пятьдесят лет африканское языковедение обогатилось таким количеством нового материала, включающего описание, анализ и сопоставления языков, что безоговорочное принятие научных гипотез полуве-

ковой давности уже не может быть применимо к реальности сегодняшнего дня. Как принятие гипотезы Гринберга, так и её отрицание, таким образом, не имеют ровно никакого смысла до тех пор, пока эта гипотеза не будет верифицирована на базе сравнительно-исторического метода. На сегодняшний день эта задача до сих пор не решена, но именно она является, пожалуй, ключевой для африканского сравнительно-исторического языкознания, одной из важнейших для дальнейшего развития компаративистики вообще.

Как ни странно, но объём научной литературы по комплексному сравнительному анализу языков нигер-конго остаётся крайне небольшим. В качестве примеров крупных исследований, опубликованных в пост-гринбергианский период, можно, пожалуй, назвать лишь работы Г. Мукаровского [Mukarovsky 1976–1977] и Дж. Стюарта [Stewart 2002; 2004], а также сборники обзорных статей по различным семьям [Sebeok 1971; Bendor-Samuel 1989]; остальные работы по нигеро-конголезскому языкознанию представляют собой отдельные статьи (более подробный анализ истории нигеро-конголезского языкознания см. в Главе 1). На сегодняшний день не предложено системы регулярных фонетических соответствий между входящими в неё языками и семьями языков, набор реконструированных различными исследователями праязыковых лексем остаётся довольно малочисленным, при этом многие лексические соответствия продолжают оставаться весьма спорными, «гринбергианскими». В результате последний по времени обзор достижений нигеро-конголезского языкознания в работе [Williamson, Blench 2000] констатирует, что *«ни одной убедительной реконструкции для макросемьи не сделано»*.

Очень мало сделано и в области сравнения грамматических систем языков различных семей, причисляемым к нигер-конго. Между тем именно сравнение элементов морфосинтаксиса может сыграть важную роль в установлении генетического родства и внутренней классификации языков макросемьи. Это признают не только сторонники, но и противники теорий дальнего родства языков: так, по мнению Л. Кэмпбелла, грамматика и особенно парадигматическая морфология являются необходимым критерием для обоснования языкового родства [Campbell, Poser 2008: 4]. Эта точка зрения успешно подтверждается на материале самых разных языков мира, в том числе и африканских. Достаточно сказать, что роль грамматических сходжений при сравнении языков афразийской макросемьи была чрезвычайно велика [Nichols 2010: 363]. Безусловно, для каждой крупной семьи языков роль морфосинтаксического сравнения варьирует в зависимости, в первую очередь, от грамматического строя, присущего её языкам, однако эта роль всегда важна в тех сферах языка, где грамматика пересекается с лексикой.

В условиях огромного количества анализируемых языков и недостаточной степени их изученности исследователю невольно приходится фокусировать усилия лишь на одной специфической сфере языкового анализа лексики или грамматики, например базовом словаре, природной лексике, системе именных классов, числительных или других элементов морфосинтаксиса. Среди таких элементов,

отличающихся высоким уровнем стабильности и фонологической устойчивости в системе языка, можно назвать и показатели грамматической категории лица, т. е. личные местоимения и личные приименные (притяжательные) и приглагольные маркеры (обе этих класса морфем в настоящей работе будут объединены термином «личные показатели»), имеющиеся во всех языках нигер-конго. Личные местоимения, с одной стороны, сами по себе являются лексическими единицами, в том числе входящими в состав самого узкого списка базовой лексики любого языка, а с другой стороны, представляют собой парадигматический класс, что делает их весьма устойчивыми к конвергентному влиянию, заимствованиям и другим изменениям, которым подвержены лексемы других классов.

Одним из важнейших тезисов тех, кто сегодня подвергает всё более массивной критике нигеро-конголезскую гипотезу, является именно тезис об отсутствии реконструкции парадигматической морфологии. Этот постулат непременно звучит практически в каждой скептической статье, посвящённой классификации языков Африки южнее Сахары. Анализ такой парадигматической системы, как личные показатели, и убедительная реконструкция праязыкового состояния этой системы позволят нигеро-конголезской макросемье избавиться от статуса гипотезы и встать на более прочную основу с точки зрения современной компаративистики.

Целью настоящей работы является комплексный сравнительно-исторический анализ систем личных показателей в различных языках нигеро-конголезской макросемьи и попытка реконструкции такой системы для праязыка макросемьи. Научными результатами работы будут считаться научное обоснование или опровержение гипотезы генетического родства нигеро-конголезских языков, демонстрация возможности реконструкции грамматической подсистемы праязыка макросемьи, определение путей дальнейшего совершенствования методик определения дальнего родства языков и углубления исследований в области африканского сравнительно-исторического языкознания в целом.

Итогом работы вовсе не обязательно должно стать доказательство или опровержение существования нигеро-конголезской макросемьи в том виде, в каком она была предложена Дж. Гринбергом. Напротив, мы стремимся показать, что системы личных показателей предоставляют широкие возможности для переоценки и модификации классификации нигеро-конголезских языков и постановки вопросов об обоснованности включения в её состав тех или иных групп и семей языков. В результате сравнения нигеро-конголезский генетический статус некоторых из них вполне может быть оспорен.

Важным промежуточным результатом исследования станет объединение в рамках одной работы материала по личным показателям сотен языков Тропической Африки, который впоследствии может быть использован как типологами, так и компаративистами, а также специалистами по общему языкознанию. Свод такого справочного материала на сегодня не имеет аналогов в мировой литературе.

Особое значение работа может иметь для развития отечественного языкознания. Широкое открытие африканского континента и доступа к зарубежным рабо-

там по африканистике в настоящее время служат естественными источниками роста интереса российских лингвистов к данной области языкознания. Вместе с тем изучение языков Тропической Африки можно назвать относительно новым направлением в России, в т. ч. в рамках всемирно известной отечественной школы сравнительно-исторического языкознания. Именно в последние годы появляется немалое количество работ, посвящённых сравнительному анализу языков Африки южнее Сахары. Среди них – работы В.Ф. Выдрина по языкам манде, К.И. Позднякова по атлантическим языкам, Г.С. Старостина по языкам койсанской и нило-сахарской макросемьи и целый ряд других. Публикуются и первые в отечественной африканистике обобщающие работы по типологии языков Африки: среди них можно отметить исследования В.А. Плунгяна, И.С. Аксёновой, А.Ю. Желтова и других.

Настоящее исследование является первым в отечественном языкознании опытом комплексного сравнения языков нигеро-конголезской макросемьи. Можно рассчитывать, что оно станет базой для более интенсивного изучения африканских языков в учебных и научных центрах нашей страны, включая как полевые экспедиции для описания малоисследованных языков Африки, так и типологические и сравнительно-исторические исследования.

Кроме того, настоящее исследование позволяет применить методы российской школы компаративистики на новом, чрезвычайно интересном материале – крупнейшем генетическом объединении языков в мире. Это позволит, где возможно, отшлифовать, скорректировать или усовершенствовать методологию установления дальнего родства языков, разработанную Московской компаративистической школой преимущественно на материале языков Евразии, достижения отечественных лингвистов в области синхронной и диахронической типологии, другие методологические открытия, сделанные за последние десятилетия в отечественном языкознании. Существует возможность внести вклад в типологическое и сопоставительное изучение местоименных систем языков мира, получившее развитие в Советском Союзе и современной России ещё со времён работ И.И. Мещанинова, К.Е. Майтинской и других выдающихся учёных-лингвистов.

Работа будет логично вписываться в процесс развития российской африканистики и способствовать дальнейшему росту интереса отечественных языковедов к исследованиям языков африканского континента, к сравнительно-историческому языкознанию и истории языка в целом.

Исследование представляется важным и с точки зрения развития мировой африканистики. Именно сейчас в мировом африканском языкознании, в которое уже прочно интегрированы российские африканисты, назрела очевидная необходимость ревизии, переоценки и усовершенствования генеалогических гипотез, выдвинутых Дж. Гринбергом. В последние десятилетия появляются фундаментальные труды в области изучения нило-сахарских и койсанских языков, коренным образом меняющие представления XX столетия на их генезис и классификацию. На смену субъективистским тенденциям прошлого века – безусловному принятию

или огульной критике наследия Гринберга – приходит понимание необходимости суммировать достижения последних десятилетий и провести комплексный сравнительный анализ языков различных семей, возводимых к общему праязыку.

Именно с этой целью в 2010 г. стартовал международный проект «Праязык нигер-конго: сравнение и реконструкция», инициированный российскими учёными. Проект объединил крупнейших учёных-компаративистов со всего мира, специалистов по различным языковым семьям Тропической Африки, в том числе Д. Нурса, Л. Хаймана, К.И. Позднякова, В.Ф. Выдрина, Х. Диммендаля, Д. Хита, Ж. Филипсона, Ж.-М. Омбера, М.-Э. Дакубу, Л. Зогбо (Маркеше) и других. Целью его является проведение ступенчатой реконструкции базовой лексики и основных систем грамматики праязыка нигер-конго. На первом этапе командами учёных будет осуществлена и опубликована реконструкция элементов праязыков отдельных семей, входящих в состав макросемьи. На втором этапе на основании полученных результатов будет проведена реконструкция собственно праязыка макросемьи, его фонологической системы, базового лексического состава, системы морфологии и элементов синтаксиса. Настоящее исследование может стать важным вкладом в данный проект, первые результаты которого должны быть опубликованы в 2013–2014 гг.

Необходимо отметить огромное значение, которое будет иметь научное обоснование нигеро-конголезской гипотезы для изучения истории африканского континента и всего Старого света. В условиях всё ещё крайне недостаточных исторических и археологических данных о народах, цивилизациях, культурах древней Африки именно языкознание может предоставить важнейшие инструменты анализа таких процессов, как доисторические миграции, взаимодействие различных народов и культур на африканском континенте, в том числе с народами Европы и Азии, путях доисторического развития человека, его материальной и духовной культуры. Данные лингвистики, и прежде всего сравнительно-исторического анализа, за последнее столетие не раз доказали своё значение в рамках междисциплинарного подхода к изучению древнего человека, стоит назвать хотя бы фундаментальную работу Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова [1984], проливающую свет на целый ряд аспектов доисторической культуры индоевропейских народов Евразии. Реконструкция же нигеро-конголезского языка в этом смысле представляется не менее важной именно из-за недостатка исторических данных о первобытном периоде развития человека в тропической Африке. Такая реконструкция поможет отодвинуть хронологическую границу наших знаний на двенадцать – четырнадцать тысяч лет назад, выдвинуть гипотезы о прародине нигеро-конголезских народов, их культуре и уровне материальных достижений, о живой и неживой природе Африки, о миропонимании, которое отличало доисторического человека «чёрного континента». Возможности использования результатов такой реконструкции для развития гуманитарных знаний о народах Африке поистине трудно переоценить.

Работа суммирует исследования в области сравнительного анализа личных показателей в нигеро-конголезских языках, проводимые автором в течение ряда

лет. Методической основой для работы с личными показателями африканских языков послужила монография о происхождении индоевропейских личных показателей [Бабаев 2008]. Вместе с тем, так как языки нигеро-конголезской макросемьи по целому ряду важнейших типологических параметров далеко отстоят от языков семей Евразии, представлявших собой предмет указанной монографии, методология работы была существенно усовершенствована; её детальное описание содержится в Главе 1.

Работа над материалом нигеро-конголезских языков была начата с анализа личных показателей в языках бенуэ-конголезской семьи – наиболее крупной и изученной на сегодняшний день семьи языков нигер-конго, включающей, в частности, языки банту. Первые результаты исследования были опубликованы в отечественных и зарубежных периодических изданиях, в т. ч. [Babaev 2008; 2010a], апробированы выступлениями автора в ходе научных конгрессов и конференций в России и за рубежом, в том числе международной конференции «Проблемы дальнего родства языков. Памяти С.А. Старостина» (Москва, март 2009 г.), VI Всемирного конгресса по африканским языкам (Кёльн, август 2009 г.), IV Международной конференции по языкам банту (Берлин, апрель 2011 г.).

Реконструкция личных местоимений в праязыке семьи ква, считающихся наиболее близкими родственниками бенуэ-конголезских языков, стала логичным продолжением исследования: некоторые её результаты были суммированы, в частности, в статье [Бабаев 2010].

Участие автора в Российской лингвистической экспедиции в Западную Африку (Гвинея, Кот д'Ивуар) в 2010 г. позволило вплотную заняться сравнительным исследованием языков семьи манде. В 2010–2011 гг. опубликован ряд статей, обобщающих итоги работы по синхронному и сравнительному анализу личных показателей в языках манде, в том числе монографии [Бабаев 2011a; Babaev 2011], статьи [Babaev 2010b; Бабаев 2011б; 2012a]. Данные исследования также апробированы в ходе научных мероприятий: XXVI Международной конференции «Источниковедение и историография стран Азии и Африки» (Санкт-Петербург, апрель 2011 г.), III Коллоквиуме по изучению языков манде (Париж, сентябрь 2011 г.).

В 2011–2012 гг. опубликован ряд статей автора о личных показателях в языках семей гур [Бабаев 2012б], убанги [Бабаев 2012в], в атлантических языках [Бабаев 2012г]. Одновременно отработывалась методология исследования, публиковались работы по типологическому и сравнительному анализу грамматических категорий личных показателей в языках нигер-конго [Бабаев 2012д].

Итоговые результаты исследования доложены и обсуждены на Международном Конгрессе «Праязык нигер-конго: сравнение и реконструкция» (Париж, сентябрь 2012 г.).

Эти и другие работы и доклады на научных форумах легли в основу настоящего исследования.

Работа разделена на десять глав и структурирована на основе таксономического принципа.

В Предисловии даётся краткий экскурс в историю сравнительно-исторических исследований нигеро-конголезских языков.

Первая глава носит вводный и общетеоретический характер: в ней описаны основные методики, с помощью которых наши предшественники подходили к вопросу сравнения нигеро-конголезских языков, описан методологический инвентарь, использованный в нашем исследовании.

Главы 2–9 посвящены сравнительному анализу систем личных показателей в языках отдельных семей в составе нигеро-конголезской макросемьи. Рассмотрение различных семей проводится в определённой последовательности, согласно современным взглядам на классификацию языков нигер-конго, таким образом, что материал каждой последующей главы представляет собой следующую ступень при последовательном движении к «корням» генеалогического древа – то есть собственно нигеро-конголезскому языку-предку.

Глава 2 посвящена сравнению бенуэ-конголезских языков, Глава 3 – языков ква, Глава 4 – языков семьи гур. Глава 5 объединяет параграфы, посвящённые языкам убанги и адамауа. В Главе 6 анализируется семья языков кру. Главы 7 и 8 посвящены рассмотрению личных показателей в языках манде и атлантических. Наконец, в Главе 9 даётся обзор систем личного маркирования в небольших семьях, информации о которых на сегодняшний день относительно немного: догонских, кордофанских и иджоидных языков.

Итоги работы подводятся в Главе 10, где предложена реконструкция форм и функций нигеро-конголезской системы личных показателей, а также пути трансформации систем личного маркирования каждой семьи языков от праязыкового состояния до современности. Предложена также существенная модификация генеалогической классификации языков нигер-конго, исходя из проведённого анализа. Кроме того, для сопоставления даны краткие описания местоименных парадигм в языках других макросемей Западной и Центральной Африки, доказывающие их несводимость к предложенной нигеро-конголезской реконструкции.

В Заключении даётся оценка значимости результатов проведённого исследования, намечаются дальнейшие перспективы сравнительного исследования морфологии и синтаксиса нигеро-конголезских языков, реконструкции праязыковой грамматической системы.

Работа дополнена обширным библиографическим списком, содержащим работы отечественных и зарубежных африканистов, типологов, специалистов по общему и сравнительно-историческому языкознанию за период более чем в полтора столетия.

Текст работы снабжён фразовыми примерами, каждый из которых глоссирован с использованием Лейпцигских правил глоссирования и сокращений².

² <http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>

Все языковые данные, содержащиеся в работе, приведены к общей транслитерации сегментных и супraseгментных элементов фонологии в соответствии с Международным фонетическим алфавитом (IPA), с некоторыми исключениями:

знаком *y* обозначается палатальный глайд;

знаком *j* обозначается звонкая палатальная аффриката [dʒ];

знаком *w* обозначается лабиальный глайд;

знаком *o* обозначается огублённая заднерядная напряжённая (+ATR) гласная.

При обозначении долготы гласных, согласно африканистической традиции, используется удвоенная гласная.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нигеро-конголезская макросемья языков и её изучение

Относительно позднее знакомство европейских и американских учёных с массивом языков Африки южнее Сахары, многообразие и труднодоступность языкового материала предопределили низкий темп освоения, исследования и классификации языков этого обширного региона. Можно сказать, что опыты генетической классификации представляли собой двухфазовый процесс. Сперва в лингвистике происходило последовательное таксономическое дробление языковой карты – по мере более близкого знакомства учёных с языками континента масштаб её как будто становился всё более детальным, отчётливо проступали различия, ранее, с более отдалённого ракурса, не видные глазу, и языковая картина становилась всё более пёстрой. В середине XX в. появление в мировой лингвистике такой дисциплины, как изучение дальнего родства языков (макрокомпаративистика), обусловило разворот тенденции в противоположную сторону: началась работа по поиску и идентификации родства не только между небольшими группами, но и между крупными семьями языков, по поиску доказательств существования макросемей. Забегая вперёд, сегодня можно говорить о том, что и эта тенденция вновь резко меняет направление.

Пожалуй, первое известное суждение относительно родства языков африканского континента принадлежит итальянскому мореплавателю Андреа Корсали, совершившему плавание в Индию во втором десятилетии XVI в. на службе флорентийского герцога Лоренцо Медичи и опубликовавшего несколько своих заметок во Флоренции в 1518 г. Корсали, в частности, писал:

Всё побережье [Африки] от заливов Красного моря и вплоть до мыса Доброй Надежды... – это всё один язык; а от мыса Доброй Надежды и вплоть до островов Зелёного Мыса говорят на другом языке [Cole 1971: 7].

Внимание учёных к таким фактам проснулось значительно позже – даже несмотря на то, что в XVII–XVIII столетиях в Европе выходит несколько книг по языкам Южной Африки, в том числе словарей и грамматик. Лишь в 1808 г. немецкий путешественник и учёный Г. Лихтенштейн опубликовал исследование, где на основании проведённого сравнения выделил ряд существенных различий между южноафриканскими языками, относимыми сегодня к койсанской макросемье

(«готтентоты») и семье банту («кафиры»). Вслед за этим была опубликована одна из первых известных классификаций языков Африки. Она принадлежит немецким учёным И.-Х. Аделунгу и И.-С. Фатеру, работавшим в период бурного развития в Европе новой научной дисциплины – сравнительного языкознания. Под влиянием сенсационных результатов работ по классификации и сравнению индоевропейских языков многие европейские лингвисты устремились на поиски языковых семей на другие континенты, опробуя на новом экзотическом материале зарождающийся сравнительно-исторический метод в языкознании. См. *Карта 1. Нигеро-конголезские языки*³.

В 1812 г. выходит совместный многотомный труд Аделунга и Фатера «*Mithridates*», третий том которого посвящён в том числе языкам африканского континента. Классификацию Аделунга – Фатера можно сравнить со взглядом из космоса: в то время как берберские языки на севере и «бушмено-готтентотские» (койсанские) языки крайнего юга Африки были однозначно выделены благодаря особому строю фонетической и грамматической систем, языки остальных народов, населяющих огромные пространства между этими крайними точками, были сгруппированы под обобщающим названием «центральноафриканских». Благодаря наличию некоторых списков слов, оказавшихся под рукой у исследователей, им удалось выделить некоторые группы близкородственных языков – так на языковой карте Африки, тогда ещё представлявшей собой практически сплошное белое пятно, появляются объединения языков «мандинго» (в современной науке – манден или мандинг, подгруппа языков семьи манде), «амина» (акан, подгруппа языков семьи ква) и «конго» (некоторые близкородственные языки группы банту бассейна р. Конго).

Южная Африка, более основательно колонизованная европейцами до второй половины XIX в., чем центральные области континента, стала объектом более пристального внимания со стороны лингвистов. Английский лингвист Дж. Причард в 1826 г. последовал за своими европейскими коллегами, уже обосновавшими к тому времени существование семитской, «малайской» и других семей языков неиндоевропейского мира, и предложил термин «кафрская (*Kaffrarian*) семья языков» южной части Африки, носителей которых он подразделял на три основные группы – собственно кафров, народы Мозамбика и народы Конго. Именно Причарду, по-видимому, принадлежала честь первому предположить генетическое родство между языками семьи банту. В 1837 г. он пишет:

*Идиомы всего африканского континента к югу от экватора, за исключением готтентотских диалектов... показывают несомненные доказательства родства*⁴.

³ Источник: <http://www.wikipedia.org>

⁴ «The idioms of the whole African continent to the southward of the equator, except the Hottentot dialects... show undoubted proof of connexion».

Особую роль в сравнительном изучении языков африканского континента сыграли немецкие лингвисты Вильгельм Блик и Сигизмунд Кёлле. Перу первого из них принадлежит пионерская работа в африканском языкознании того времени – «Сравнительная грамматика южноафриканских языков» [Bleek 1862–1869], изданная в Лондоне. В ней В. Блик провёл детальный сравнительный анализ фонологических систем различных языков семьи банту, предложив и сам этот термин для её наименования, а также представил вполне стройную систему именных классов префиксов, нагляднее всего характеризующих родственные связи между языками банту в разных частях Африки. Система нумерации именных классов, предложенная Бликом, с небольшими модификациями продолжает использоваться в современном языкознании. Классифицируя языки банту, Блик выделял юго-западную, центральную и северо-западную группы, из которых последняя и сегодня является общепризнанной особой ветвью семьи.

Впрочем, классифицируя языки банту, Блик стал и первым лингвистом, фактически обозначившим границы того крупнейшего языкового объединения, которое столетие спустя получит наименование «нигеро-конголезской макросемьи». В предисловии к своему сборнику глоссариев языков Мозамбика [Bleek 1856] он писал:

Все языки, к которым относятся данные словники, принадлежат к обширной семье, которая, за исключением готтентотских диалектов, включает в себя языки всей Южной Африки, а также большинство языков Западной Африки – безусловно, языки отси или ашанти [акан], а также булло и тимне [темне] в Сьерра-Леоне. Семья гор [гур], включающая широко распространённые фула, а также аккра [га] и волоф, может считаться родственной им, как и укуафи [бантуязычные маасаи?] возле истоков Белого Нила и тумале [носители кордофанских языков] в Дарфуре⁵ [Bleek 1856: iv–v].

Таким образом, именно Блику принадлежит честь первого, пусть в основном эмпирического, утверждения о родстве огромного массива языковых разновидностей на пространстве от устья р. Гамбии до устья р. Оранжевой. Впрочем, до первых попыток научного доказательства этой гипотезы оставалось ещё много десятилетий.

Многие последующие исследования по сравнению и классификации африканских языков также осуществлялись германскими и британскими учёными. В 1880-х гг. выходят в свет сразу две гипотезы смешанной ареально-генетической классификации языков Африки. К тому времени европейские исследователи имели

⁵ «The languages of these vocabularies all belong to that great family which, with the exception of the Hottentot dialects, includes the whole of South Africa, and most of the tongues of Western Africa; certainly the Otsi, or Ashantee, the Bullom, and the Timneh of Sierra Leone. The Gōr family, which includes the wide-spread Fulah, the Accra, and the Wolof, may be considered as related to these; as may also the Ukuafi, spoken near the source of the White Nile, and the Tumale in Darfur».

возможность работать уже не только в прибрежных, но и во многих глубинных районах Субсахарской Африки, что, безусловно, резко повысило и количественный уровень данных, и качество анализа. В 1883 г. Роберт Каст опубликовал своё исследование «Обзор современных языков Африки» [Cust 1883], где принял незадолго до этого предложенное немцем Ф. Мюллером деление языков континента на шесть подразделений: семьи семитскую и банту, а также группы хамитскую, нубафула, негритянскую и готтентото-бушменскую. При этом термин «семья» относился к языкам, чьё родство представлялось доказанным, в то время как «группа» могла объединять идиомы по географическому признаку. Примерно такая же классификация была независимо предложена немецким лингвистом Р. Лепсиусом [Lepsius 1880], который разделил все языки южнее Сахары на готтентотские, негро-банту и негро-смешанные – при этом под последними подразумевалось всё языковое многообразие Западной и Центральной Африки; о большинстве языков этого региона у учёных того времени было лишь весьма поверхностное представление.

В отличие от Блика, его соотечественник и современник Сигизмунд Кёлле работал не в Южной, а в Западной Африке. В результате этой работы в 1854 г. в Европе были опубликованы сразу четыре монографии Кёлле, из которых, пожалуй, наибольшую известность получила его «Polyglotta Africana» [Koelle 1854], монументальная коллекция глоссариев из примерно трёхсот слов и фраз на более чем сотне языков Западной Африки. Такое собрание стало возможным благодаря кропотливой работе автора с освобождёнными рабами различных национальностей, поселённых в Сьерра-Леоне. Тысяча двести страниц «Полиглотты» Кёлле по сей день остаются практически неисчерпаемым источником сведений о языках Африки XIX столетия, даже несмотря на множество ошибок, за которые справедливо критиковали Кёлле уже его современники [Cust 1883: 32]. Благодаря работе Кёлле, во-первых, удалось составить весьма точную этнолингвистическую карту Западной Африки, что для середины XIX в. было настоящим научным прорывом. И во-вторых, Кёлле, в чьи задачи не входило сравнение столь обширных данных, всё же аккуратно попытался вычлнить некоторые крупные объединения языков региона по генетическому принципу. В частности, некоторые из групп, выделенные им, соответствуют современным представлениям:

- «северо-западные атлантические языки» – атлантической семье языков;
- «северо-западные верхнесуданские» или «манденга» – семье языков манде;
- «северо-восточные верхнесуданские» – семье языков гур.

Прослеживаются в работе Кёлле и другие признанные ныне генетические объединения – так, три подгруппы «верхнегвинейских языков» в его «Полиглотте» соответствуют нынешним языкам семьи кру, группы гбе (семья ква) и группы йорубоидных языков семьи бенуэ-конго.

Основным показателем генетического родства между языками Западной и Южной Африки в то время считалось наличие системы именных классов и классного согласования, особенно образуемого с помощью префиксальных морфем,

такой тип языков Блик называл «префиксально-местоименными языками» [Bleek 1862–1869: 2–3]. Позднее на основании наличия и внешнего сходства именных классных аффиксов родство с языками банту предполагали для самых разных языков Западной Африки. Так, немецкий миссионер и лингвист Г. Кристаллер писал, что «родству языков эфик, йоруба, ашанти, темне... может быть найдено много доказательств» [Williamson 1989: 5]. Однако это были пока лишь эмпирические заявления, основанные на внешнем сходстве именных согласовательных систем различных языков. На многие десятилетия вперёд наличие или отсутствие систем именной классификации в африканском языке стало считаться основным показателем его генетической принадлежности: остатки этого мировоззрения мы можем иногда наблюдать и в работах сегодняшнего дня. Таким образом, основную роль при сравнении играла структурная типология, что с точки зрения сравнительного метода в корне неверно.

Столь некорректный подход к классификации, впрочем, ни в коем случае нельзя ставить в вину учёным XIX в. При отсутствии сколько-нибудь надёжных сведений об абсолютном большинстве языков Африки лингвистам того времени приходилось работать с крайне скудными, обрывочными и нередко неаккуратными данными, которые не давали возможности провести качественный сравнительный анализ на массиве такого масштаба, который был доступен исследователю индоевропейских или семитских языков.

Другим заблуждением конца XIX в. и начала XX в. в африканском языкознании стала концепция о существовании в Субсахарской Африке большого количества т. н. «смешанных языков», возникших в результате конвергентного развития. Об этом, в частности, много писал немецкий учёный Карл Майнхоф [Meinhof 1899–1906], полагавший, что языки Западной и Центральной Африки могли быть результатом влияния «хамитских» языков (о его понимании этого термина см. ниже) на гетерогенные языки Великого Судана. Именно тогда в литературе появляется термин «языки полубанту» (*Semi-Bantu languages*), введённый в научный оборот Августом Шлейхером [Schleicher 1891]. Так стали называть большое количество языков Западной Африки, обладающих чертами, роднящими их с языками банту.

Концепция «смешанных» языков сыграла скорее деструктивную роль в объяснении генетического происхождения языков Африки южнее Сахары. Во-первых, механизмы, приводящие к образованию «смешанных языков», так и не были удовлетворительно объяснены. Во-вторых, это поверхностное объяснение приводило к тому, что «смешанным» возможно стало объявить любой язык, носящий типологические характеристики, свойственные, к примеру, берберским языкам Северной Африки и языкам банту Южной Африки.

В то же время над лингвистической наукой продолжали довлеть расовые теории, предполагавшие изначальное превосходство одних народов над другими и приписывавшие различным этносам культурные черты, вовсе им не свойственные. При этом народы, находящиеся на схожих уровнях развития или относимые к одному хозяйственно-культурному типу, искусственно объединялись подчас для

выведения языковых закономерностей и классификаций. Именно этот недостаток отличает генетическую классификацию, выдвинутую в начале XX в. К. Майнхофом. Будучи одним из крупнейших специалистов своего времени по языкам банту и отцом реконструкции праязыка банту (см. об этом ниже), Майнхоф применял культурологические и типологические критерии для классификации других, менее изученных языков континента. Так, для обоснования состава его «хамитской» языковой семьи [Meinhof 1912] был использован набор таких показателей, как, например, фенотипические черты «кавказской расы»⁶ и скотоводческие навыки народов. В результате в составе «хамитской» семьи Майнхофа оказались, помимо прочих, языки фула, нама, маасаи и сомали, то есть представители всех четырёх принятых сегодня макросемей языков Африки. Применялись им и другие типологические критерии, как, например, наличие в языке грамматического рода и начальных фонетических чередований. И хотя в конце своей работы Майнхоф также привёл небольшой список лексических сопоставлений, они в большинстве своём оказались неубедительными (см. критику в работе [Greenberg 1963: 29 ff.]).

Классификация языков Африки, в общих чертах обрисованная Майнхофом, была широко популяризована в начале XX в. благодаря небольшой работе Алисы Вернер [Werner 1915], которая в течение как минимум двух десятилетий оставалась, пожалуй, наиболее популярной книгой по данному предмету в европейской науке. Сам Майнхоф никогда не предлагал всеобъемлющей классификации языков континента – именно этот недостаток и был компенсирован работой А. Вернер. Вторая глава книги была озаглавлена «Пять семей африканских языков», где они перечислялись в следующем порядке:

1. Суданская семья.
2. Семья банту.
3. Хамитская семья.
4. Бушменская группа.
5. Семитская семья.

Вернер основывает свои выводы на структурных сходствах языков каждого объединения между собой. Так, суданские языки в книге характеризуются односложными лексемами, отсутствием категории грамматического рода, развитой тонологией и генитивным определением, предшествующим вершинному существительному.

Работа А. Вернер не могла не привести к некоторой мешанине классификационных суждений в головах читателей. Она, в частности, утверждала, что вероятность родства между языками бушменов и суданскими языками «чрезвычайно велика» [Werner 1915: 125], что фула представляет собой «древнюю речь», из которой произошли все хамитские языки, и прочее. При этом никаких убедительных языковых данных в поддержку столь смелых утверждений не приводилось.

⁶ Для этой расы К. Майнхоф, позже вступивший в ряды НСДАП, обычно использовал термин «раса господ».

В результате в африканском сравнительном языкознании на полтора десятилетия наступило затишье: науке требовался принципиально новый, более надёжный подход к генетическим отношениям языковых объединений.

Этот новый подход к исследованию генетического родства языков Африки связан с именем немецкого учёного-африканиста Дидриха Вестермана, поставившего своей задачей тщательное сравнительное изучение языков Великого Судана. В то время как ранние работы Вестермана посвящены языкам, ныне классифицируемым как нило-сахарские, с 20-х гг. XX в. он вплотную принимается за исследование «западносуданских языков», генетические связи между которыми обосновываются им в фундаментальной работе [Westermann 1927]. Эта работа содержит первую попытку научного доказательства мысли Блика о том, что сотни языков Африки южнее Сахары имеют общее генетическое происхождение.

Вестерман разделил «западносуданские» языки на шесть подсемей: ква, бенуэ-кросс, гур, западноатлантические, мандинго и «остаточные языки Того» (нем. *Togorestsprachen*, англ. *Togo Remnant*). Такая классификация впервые была основана не столько на типологических критериях, сколько на базе сравнения большого объёма лексических единиц и попыток вычленения закономерных фонетических соответствий. В результате исследования был составлен список примерно из четырёхсот постулируемых пра-«западносуданских» лексических реконструкций, некоторая часть которых не потеряла актуальности по сей день (см. современный анализ реконструкций Д. Вестермана в работе [Blench 2003]). Удивительно, но даже при том, что родство между «западносуданскими» языками Вестерман считал доказанным и приводил множество примеров соответствий как корневых, так и грамматических морфем между ними и языками банту, до самой смерти он воздерживался от прямых выводов о родстве между языками банту и «западносуданским» объединением.

Достижение Джозефа Гринберга, считающегося отцом нигеро-конголезской (НК) гипотезы, состоит именно в том, что он закрыл белые пятна в работах своих предшественников – Блика, Майнхофа, Вестермана и других, придав их мыслям, вызревавшим целое столетие, форму стройной теории. В 1955 г. в работе, суммирующей ряд его статей предыдущих лет [Greenberg 1955], он впервые обосновывает гипотезу о генетическом родстве сотен языков от Зелёного мыса до мыса Игольного, а в 1963 г. прибавляет к новому объединению также небольшую семью кордофанских языков в Центральном Судане.

Своими основными достижениями в области НК классификации сам Дж. Гринберг считал, во-первых, обоснование родства кордофанских и адамауа-убангийских языков с другими языками Западной и Южной Африки, во-вторых, определение места языков банту как одного из таксонов нижнего уровня в структуре бенуэ-конголезской семьи и наконец, определение чёткого генетического положения языка фула [Greenberg 1949], о происхождении которого в первой половине XX столетия, наверно, существовало больше всего самых экзотических гипотез.

Африки того времени – не давала чёткого ответа на вопрос об отнесении языков этого региона к какой-либо из семей. Так, Г. Мукаровский [Mukarovsky 1976–1977] вслед за Д. Вестерманом полагал, что «остаточные языки» должны быть признаны отдельной семьёй языков, а Де Вольф [De Wolf 1971: 180] считал их частью бенуэ-конголезской семьи.

Наконец, центральным вопросом внутренней классификации НК языков в 1970-е годы стал вопрос о взаимном положении семей ква и бенуэ-конго в составе макросемьи.

Ещё сам Дж. Гринберг испытывал неуверенность в постулировании обеих семей: «*Ква и бенуэ-конго особенно близки друг другу, и на самом деле возникают разумные сомнения относительно правомерности их разделения*» [Greenberg 1963: 39]. В 1966 г. в г. Яунде (Камерун) впервые прошло заседание рабочей группы по бенуэ-конголезским языкам, публикации по итогам которой [Cook 1971; De Wolf 1971] отчётливо демонстрировали, что твёрдых критериев для проведения границы между двумя семьями языков найти не удаётся. Прежде всего, было показано, что лексические единицы, общие для всех ветвей бенуэ-конголезской семьи Гринберга, находят соответствия также в одной или более группах семьи ква. Во-вторых, реконструкция именных классов префиксов в бенуэ-конго, предложенная Де Вольфом [De Wolf 1971], продемонстрировала, что те же аффиксы встречаются и в других семьях – и прежде всего в языках ква, то есть собственно бенуэ-конголезских инноваций в этой области морфологии обнаружить не удаётся:

Система классов в ква... и в остаточных языках Того поразительно схожа с бенуэ-конго... Наше мнение заключается в том, что... все языки семьи ква, обозначенные Гринбергом, действительно составляют часть более крупного объединения, другой частью которого являются языки бенуэ-конго [De Wolf 1971: 180].

Это исследование особенно чувствительно ударило по главному типологическому критерию, использованному для разделения языков бенуэ-конго и ква, а именно наличию именных классов в первых и почти полному их отсутствию во вторых. При более тщательном анализе выяснилось, что, в то время как в ряде бенуэ-конголезских языков именные классы отсутствуют (например, в языке эфик группы кроссривер), в некоторых языках ква классные системы вполне жизнеспособны (например, в дегема, гаде, эга и др.), хотя и выражаются обычно не префиксами, а суффиксами. Другая типологическая характеристика – преобладание лексических корней типа CV в языках ква [Westermann, Bryan 1952: 91] – также оказалась несостоятельной для генетической классификации, особенно после того, как были найдены следы фонологической редукции слогов в эдоидных и игбоидных языках бенуэ-конго [Elugbe, Williamson 1977].

Некоторое решение вопроса было предложено в работе [Bennett, Sterk 1977], предложившей более детальную классификацию НК языков с учётом достижений

предшествующего десятилетия. Опираясь на данные лексикостатистики и отчасти на ряд выделенных ими лексических инноваций отдельных групп, авторы предложили выделить из семьи ква несколько групп восточной ветви и «передать» их в состав семьи бенуэ-конго. В списке оказались группы нынешних дефоидных, игбоидных, эдоидных, нупоидных и идомоидных языков (в то время некоторые из них носили иные названия). Эта классификация стала некоторым компромиссом, однако споры вокруг валидности разделения бенуэ-конголезских языков и языков ква (совместно их стали называть языками бенуэ-ква) продолжаются в научном сообществе по сей день.

Классификация Беннета–Стерка внесла ряд других существенных коррективов в вопросы внутренней таксономической структуры НК языков. Так, в отличие от Дж. Гринберга, её авторы предположили первичное разделение праязыка макросемьи на три ветви: собственно нигер-конго, кордофанскую и манде.

Подобное «отдаление» языков манде от других ветвей призвано было примирить дискуссии между сторонниками их выделения из состава макросемьи [Mukafovsky 1966] и приверженцами гринбергианской модели. Вслед за Г. Мукаровским ряд учёных полагают, что языки манде не относятся к НК (см., например, в недавней монографии [Dimmendaal 2011]); высказывалась точка зрения, что они родственны своим соседям языкам сонгаи и должны быть, возможно, отнесены к нило-сахарской макросемье. Этот вывод следовал как из наличия большого количества грамматических и лексических сходств между манде и сонгаи, так и из отсутствия в языках манде системы именных классов – одного из краеугольных камней НК гипотезы [Creissels 1981; Nicolai 1990].

Следующей по времени ветвью, отделившейся от языкового древа, Беннет и Стерк считали атлантические языки (название «западноатлантические» постепенно выходит из употребления начиная с середины 1970-х гг.). Что же касается ядра макросемьи (в терминологии авторов – «центральные НК языки»), то оно было разделено в работе на две крупных ветви – северную (языки кру, гур и адамауа-восточные) и южную (ква, иджоидные и бенуэ-конголезские языки).

Получившаяся в результате классификация Беннета–Стерка выглядела следующим образом (Диаграмма 2).

К началу 1980-х годов название «адамауа-восточные», предложенное Гринбергом, было заменено в большинстве работ на «адамауа-убанги». Эти языки, и поныне изученные, пожалуй, хуже всех остальных семей НК языков, с точки зрения лексикостатистики демонстрировали относительно высокий процент совпадений с языками гур. В сборнике [Bendor-Samuel 1989] было предложено объединить их в рамках единой ветви, при этом языки кру из неё были выделены, так как ранее предложенные лексические соответствия не подтвердились [Schadeberg 1986].

Одной из ветвей, не включённых в анализ Беннета–Стерка, однако заслуживающих особого внимания, являются языки догон. Дж. Гринберг помещал их в состав семьи гур, однако уже первые подробные исследования [Calame-Griaule 1956] показывали значительные различия между догон и гур. Даже к концу 1980-х гг.

приводят лексические свидетельства глубокого родства между НК и нило-сахарскими языками. Составляются и списки «панафриканских» лексических корней, призванных свидетельствовать об общем происхождении всех четырёх макросемей языков африканского континента. При этом для сравнения приводятся данные, произвольно выбранные из каждой из макросемей, соответствия между ними остаются тёмными и никак не объясняются с точки зрения методологии. В работе [Blench 2006m] постулируется, например, «панафриканская» лексема **keri* ‘резать’, реконструируемая на основании следующих «соответствий»: ик (семья кулиак нило-сахарской макросемьи) *kaukot-* ‘резать’, праиджондное **pélé* ‘резать’, ньябва (семья кру НК макросемьи) *cei* ‘резать’, !хонг (южная группа койсанской макросемьи) *t'kx'āla* с приводимым малопонятным значением ‘open meat to flatten it’ [Ibid.: 7].

С учётом теории моногенеза человеческого языка, которую поддерживает, в частности, и автор настоящей работы, гипотезы о едином происхождении всех африканских языков, безусловно, заслуживают внимания. Однако описанная выше методика разработки таких гипотез не выдерживает никакой критики. Не получая поддержки в научном сообществе, подобные «доказательства» не могут дискредитировать саму идею дальнего родства и, в частности, НК гипотезу.

Эти и другие обстоятельства привели к тому, что в последние годы XX в. в африканском языкознании наступил новый этап. На смену тенденции поисков дальнего родства, порождённой популярностью работ А. Вернер, Д. Вестермана, Дж. Гринберга и других учёных XX в., пришла обратная тенденция. В противовес сторонникам дальнего родства и крупных генетических объединений языков, названным в англоязычном научном сообществе «ламперами» (англ. *lumpers*, букв. ‘сваливающие в кучу’), среди учёных-африканистов появляется всё больше т. н. «сплиттеров» (*splitters*, букв. ‘разделяющие’) – противников идей макрокомпаративистики, направляющих усилия на выделение небольших независимых групп и семей языков, объяснение схожих элементов конвергентными отношениями, а также активный поиск языков-изолятов.

Данная тенденция, зародившись в США, где позиции гипотез дальнего родства всегда были традиционно слабыми, в настоящее время продолжает усиливаться и в университетах и научных центрах Европы, а также отчасти и в России. Она затронула не только африканский континент, но оказала сильнейшее влияние на изучение автохтонных языков обеих Америк (где позиции «сплиттеров» традиционно были очень сильными), Австралии, ряда регионов Евразии. Теоретическое обоснование идей противников дальнего родства было заложено работами ещё второй половины XX в. – многие их тезисы были сформулированы и в советской литературе, в т. ч. такими крупными учёными, как А.М. Щербак [1984] (см. также ответ на его замечания Е.А. Хелимского [1986]) и Б.А. Серебренников. В последние десятилетия возражения против методов макрокомпаративистики выдвигались в работах Р. Диксона [Dixon 1997], Дж. Николс [Nichols 1997], Л. Кэмпбелла (из последних – [Campbell, Poser 2008]) и других западных учёных.

Основные аргументы «сплиттеров» по отношению к НК языкам хорошо известны, но заслуживают того, чтобы их кратко перечислить в настоящей работе.

1. НК гипотеза основана на методах, которые не могут считаться удовлетворительными для доказательства языкового родства. Такие методы, как использование типологических критериев, «массовое сравнение», методологически необоснованная лексикостатистика, могут использоваться лишь как вспомогательные, но основывать на них выводы о генетических связях языков и классификации языковых семей без опоры на строгий сравнительный метод – в корне неверно.
2. На сегодняшний день не существует общепринятой системной реконструкции фонологической или морфологической системы ни одного из праязыков семей, входящих в состав НК объединения. Состав, классификация и границы большинства из этих семей остаются под вопросом. До тех пор пока не будет выполнена реконструкция на этом, более низком таксономическом уровне, говорить о НК реконструкции преждевременно.
3. Столь глубокого уровня реконструкции, как уровень НК праязыка, принципиально невозможно достичь, так как на глубине реконструкции свыше десяти тысячелетий из 100 % соответствий воссоздаются лишь 5–7 %, что сравнимо со случайной вероятностью (см. об этом, например, [Starostin 2000]).
4. Невозможно говорить уверенно о родстве языков до тех пор, пока не будет подробно исследована и описана большая часть семьи. Так, например, по мнению ведущего немецкого исследователя языков Нигерии А. Шторх (личное сообщение), говорить о реконструкции джукуноидного праязыка невозможно, пока отсутствуют надёжные описания языков подгруппы вурбо (3 языка из 20, входящих в джукуноидную группу). Следовательно, нужно дождаться появления удовлетворительных описаний большинства рассматриваемых языков и лишь потом делать далеко идущие реконструктивные выводы.

Множество работ последнего времени, подготовленных под влиянием этих и некоторых других теоретических постулатов, подвергли сомнению и правомерность включения ряда крупных семей в состав НК макросемьи. В результате генетические объединения, в основном укрупнявшиеся всю вторую половину XX в., сегодня вновь дробятся на более мелкие группы языков, анализ которых представляется более надёжным с точки зрения сравнительного метода. Данная тенденция отчётливо проявляется в недавней монографии [Dimmendaal 2011], описывающей актуальное состояние африканского сравнительного языкознания. В ней, в частности, в качестве независимых объединений предложено рассматривать семьи языков манде, иджойдных и убангийских.

Одновременно с этой центробежной тенденцией в африканском языкознании усиливается интерес к языкам-изолятам. В разное время южнее Сахары выделялось до трёх десятков изолированных языков (см., например, их список в работе

[Hombert, Philippson 2009: 4]). И хотя для большинства из них выдвигались гипотезы о принадлежности к той или иной из четырёх макросемей континента, в сегодняшней западной науке к таким гипотезам принято относиться скептически. Конференция «Изоляты в Африке», прошедшая в Лионе в декабре 2010 г., стала подтверждением усиления влияния «сплиттеров» в африканском языкознании в целом и в изучении НК языков в частности. Фактически она показала (ср. обзор докладов конференции в работе [Прохоров 2011]), что в отсутствие надёжных сравнительно-исторических данных для большинства крупных и малых семей африканских языков исследователь считает для себя более экономным объяснять обнаруженные в языках лексические, фонетические и морфосинтаксические сходства как результат конвергентного развития, нежели как итог длительного расхождения генетически родственных идиомов.

Мнение о том, что НК языки являются ареальным, а не генетическим объединением, стало приобретать популярность параллельно общей тенденции роста интереса лингвистов к ареально-типологическим исследованиям языков. В настоящее время мы наблюдаем довольно резкий отход учёных от ярко выраженной установки языкознания предыдущего столетия на то, что «процессы дивергенции являются парадигматическим сценарием истории языка» [Güldemann 2008a: 184]. В последние десятилетия XX в. и в первые годы нового столетия происходит, таким образом, возврат учёных к практике преимущественно типологического сопоставления языков континента, принятой в африканском языкознании XIX в. Однако теперь выделяемые на основании такого сопоставления объединения объясняются не дивергентным, а конвергентным развитием, следствием языковых контактов и ареального распространения изоморфов.

Ареально-типологические исследования языков Африки были подняты на высокий уровень публикацией широко известной монографии У. Уэлмера [Welmers 1973]. За ней в последние десятилетия XX в. последовал выход целого ряда сборников, описывающих системы фонологии, морфологии и синтаксиса языков Африки в ареально-типологической перспективе. Среди наиболее свежих публикаций можно назвать коллективные монографии и сборники статей [Heine, Nurse 2000; 2008; Aikhenvald, Dixon 2001; Creissels 2005]. Большую роль в повышении популярности ареального подхода продолжает играть «Всемирный атлас языковых структур» (WALS) [Haspelmath et al. 2008].

Следы исторических и доисторических языковых контактов между языками, относимыми к различным генетическим объединениям Западной и Центральной Африки, до недавнего времени практически не включались в орбиту лингвистических исследований. В последние десятилетия эти исследования становятся важным компонентом африканского языкознания, чрезвычайно полезным как для изучения истории континента, так и для сравнительных исследований языков НК макросемьи и их соседей.

Исследования в области африканской ареальной лингвистики развиваются по нескольким основным направлениям. Наиболее развитым из них является изуче-

ние языковых контактов между отдельными неблизкородственными языками, группами и семьями Африки. В этом отношении в последние годы сделано довольно много. Так, доисторические контакты между языками семей манде и атлантической стали предметом недавнего детального исследования Т. Чайлдса [Childs 2010], показавшего, что суть этих контактов в основном сводилась к сильнейшему влиянию языков манде на их соседей. Труды о взаимовлиянии языка фула и различных идиомов семьи манде продолжают публиковаться [Diallo 2010; Vydrin, Vydrina 2010]. В.Ф. Выдрин писал о контактных явлениях в зоне взаимодействий языков манде и кру [Vydrin 2009a]; многочисленные лексические заимствования из манде в языках сенуфо рассматриваются в работе [Dombrowsky-Hahn 2010]. Можно назвать целый ряд статей о следах добантуского субстрата (т. н. «пигмейских языков») в языках банту Габона и, возможно, Камеруна.

Вторым направлением исследования языковых контактов является изучение так называемых контактных языков. Сюда обычно включаются, во-первых, креолы и пиджины Западной Африки, по которым существует обширная литература, и ещё более широко освещённые проблемы воздействия африканских языков на языки европейских переселенцев. В качестве контактных, однако, рассматриваются и некоторые автохтонные языки Субсахарской Африки. Одним из наиболее известных является широко цитируемый пример «смешанного» банту-кушитского языка маа (мбугу), который обычно приводят, говоря о возможности заимствования языками даже парадигматических систем, таких как именные классы [Mous 2003]. В числе других языков, для которых указывались характерные черты креолизации, назывались менде Сьерра-Леоне [Dwyer 2005], санго Центральноафриканской Республики [Samarin 1970], бедик Сенегала [Ferry 1991], северные диалекты сонгаи [Dimmendaal 2011] и ряд других идиомов. Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что положение большинства из них на генеалогическом древе конкретной семьи не вызывает сомнений, а элементы «креолизации» возникли в некоторых них в результате их использования в качестве *lingua franca* соответствующего региона.

Наконец, ещё одним перспективным направлением анализа языковых контактов является выделение крупных и малых конвергентных ареалов или языковых союзов на территории Африки, которые могут дополнить (а по мнению некоторых западных учёных, впоследствии заменить) ставшее привычным деление африканских языков по генеалогическому принципу.

Подходов к такой классификации может быть несколько. Ряд исследователей в своём анализе отталкиваются от устоявшихся географических ареалов, принятых в научном изучении целого ряда дисциплин – к таким ареалам относятся Северная Африка, Арабский Магриб, Сахара, зона Сахеля, Западная Африка, Восточная Африка, Южная Африка и другие. При таком подходе анализируются типологические особенности, характеризующие языки данного ареала, однако исследователь не выходит за его границы, что подчас может привести к дисбалансированным выводам, к примеру, если рассматриваемые им языковые явления присущи не только идиомам данной зоны, но и отчасти смежным зонам. При другом подходе

за точку отсчёта берётся одна типологическая характеристика или грамматическая категория. Например, в книге К. Кёниг [König 2008] африканские языки сгруппированы по типам систем падежного маркирования.

Наиболее продуктивным, впрочем, оказался третий подход, а именно лингво-географическая группировка по нескольким изоглоссам одновременно, т. е. методика, предложенная ещё Н.С. Трубецким в его теории языковых союзов. При этом составляется пучок из фонологических, морфологических и синтаксических изоглосс, что снижает возможность случайного совпадения. С помощью такого метода в последние годы на территории африканского континента было выделено несколько макроареалов или зон [Clemens, Railland 2008; Güldemann 2010] (отмечены на Карте 2): сахарская зона (I), зона Чад – Эфиопия (II), Макросуданский пояс (III), зона банту (IV) и пустыня Калахари (V). Каждая из этих зон характеризуется набором типологических черт, обнаруживаемых в большинстве языков в её составе.

Из пяти зон лишь две последние более или менее совпадают с границами языковых макросемей Африки. Наибольший же интерес для изучения в свете нигеро-конголезской проблематики оказывается зона макросуданского пояса (термин предложен Т. Гюльдеманом [Güldemann 2008a]), представляющего собой широкую полосу, протянувшуюся по параллели от Сенегала до Южного Судана.

По мнению сторонников ареально-типологического подхода к классификации языков Африки, в результате более тщательного учёта контактных явлений пересмотр гринбергианской модели станет в африканском языкознании неизбежным. Так, в последние годы подвергнута радикальному пересмотру койсанская гипотеза: в работе [Güldemann, Vossen 2000] и ряде других работ последних лет предложено считать койсанские языки ареальным объединением, возникшим в результате многотысячелетних контактов между языками различного происхождения. Это мнение на сегодняшний день превалирует среди африканистов [Dimmendaal 2011: 407; Старостин 2013]. Общая «рыхлость» нило-сахарского объединения по версии Дж. Гринберга позволяет по-новому взглянуть с ареально-типологической точки зрения и на языки сахаро-сахельской зоны.

Что касается продолжения работ по сравнительному исследованию языков НК макросемьи, здесь необходимо упомянуть два крупных международных проекта, проводимых в настоящее время.

Одним из них является проект «Глагольные категории в НК языках», основанный в 2000 г. командой западных учёных под руководством Д. Нурса⁷. Родившийся с целью проведения сравнительной реконструкции глагольной системы языков банту, проект в дальнейшем вырос и приобрёл более масштабные цели. Основным предметом исследований его разработчиков является системный синхронный и диахронический анализ функционирования видовременных систем в языках различных семей, входящих в состав НК макросемьи (всего для анализа выбран

⁷ <http://www.mun.ca/linguistics/nico>

ется публикация коллективной монографии, содержащей, во-первых, описание современного состояния сравнительных исследований НК языков и, во-вторых, собственно реконструкции как языков основных семей, входящих в состав макросемьи, так и элементов нигеро-конголезского праязыка. Реконструкция местоименной системы, предлагаемая в настоящей работе, призвана стать составной частью проекта.

Большим подспорьем в изучении языков Африки и реконструкции их доисторического прошлого может стать приобретающий в последнее время всё большую популярность междисциплинарный подход к решению проблем доисторического развития языка. Наиболее перспективным видится сотрудничество лингвистов с археологами, палеоботаниками и генетиками. В частности, реконструкция климатического состояния отдельных регионов субэкваториальной Африки в II–I тысячелетиях до н. э. уже сегодня позволяет сделать ряд важных выводов о направлениях миграций бантуязычных народов к югу через коридор, образованный в зоне экваториальных лесов в регионе современного Конго [Bostoen 2011]. Археологические раскопки расширяют объём данных об антропологических разновидностях популяций Тропической Африки начиная с раннего неолита, хотя эта работа движется довольно медленно: почвы на большей части территории влажных экваториальных лесов от бассейна Нигера и до бассейна Конго не способствуют сохранению окаменелых останков. Отметим рост внимания к проблемам палеоботаники Африки, особенно в свете анализа специфической по происхождению природной лексики в языках пигмеев Центральной Африки, изолированных языках Восточной Африки, а также острова Мадагаскар.

Развитие геногеографических исследований начиная с 1990-х гг. привело к ряду интересных гипотез о происхождении и генетических связях народов Африки, часть из которых коррелирует с данными сравнительного языкознания. Эти гипотезы подробно описаны в ряде работ итальянского учёного Л. Кавалли-Сфорца и его коллег. В работе [Cavalli-Sforza et al. 1994] народы Африки разделены на четыре основные гено-антропологических типа:

- а) кавказоидный тип жителей Северной Африки и Африканского Рога;
- б) негроидный тип, распространённый на большей части территории континента южнее Сахары;
- в) пигмеи, небольшие очаги распространения которых рассеяны по обширной территории субэкваториальной Африки;
- г) койсаноиды Южной Африки.

Нетрудно заметить, что народы первого типа в основном говорят на афразийских языках, а последнего – на языках койсанской макросемьи. Носители НК языков по этой классификации относятся к негроидному и пигмейскому типам. Первый из них, согласно выводам авторов, распространялся по континенту с северо-запада на юго-восток из районов Сахары и Сахеля. Высчитывая «генетическое расстояние» между представителями различных языковых семей Западной Африки, авторы выделяют три родственных группы: народы Сенегала (в работе рассматриваются

генетические данные носителей языков волоф, сереер и сенегальских диалектов фула), народы Нигерии (в обзор включены данные носителей йоруба и игбо, а также нигерийских диалектов фула) и широкое объединение народов Западной Африки, включающее носителей языков манде, гур, кру, а также ряда языков семьи ква на западе Нигерии (эве, акан, бауле, нзема и аньин). Народы бантоидной группы, включая и группу банту, генетически тяготеют к нигерийскому кластеру.

В то же время наблюдаются серьёзные различия на генетическом уровне между указанными тремя группами популяций и, например, носителями чадских и нило-сахарских языков. Среди атлантических народов Западной Африки выделяется небольшая группа носителей языка бедик, генетические данные которых оказались весьма далеки от данных других народов атлантической семьи языков. Что же касается пигмеев бассейна р. Конго и Великих Озёр, говорящих сегодня на языках банту, то данные генетики позволяют утверждать, что пигмеи представляют особую группу, не связанную родством с другими народами Тропической Африки [Cavalli-Sforza et al. 1994: 180–194]. О том же свидетельствует и мощный субстратный слой в языках центральноафриканских пигмеев, где до 30 % лексического фонда (в основной природной лексики и профессиональных терминов охоты и собирательства) имеют неизвестное происхождение.

Таким образом, данные генетических исследований в общих чертах подтверждают НК гипотезу Дж. Гринберга. Сам Кавалли-Сфорца признавал, что банк данных, находящийся в его распоряжении, пока слишком мал, чтобы делать однозначные выводы. Однако эти и другие работы по генетике и генетической географии, при всей критике, звучащей в их адрес в последние годы, могут в перспективе стать большим подспорьем при анализе лингвистических данных.

Автор этих строк не принадлежит к лагерю ортодоксальных «ламперов». В настоящей работе мы придерживаемся точки зрения, что только строгая методология сравнительного анализа может являться основой любой теории языкового родства. Именно поэтому мы полагаем, что основной причиной утраты доверия к НК гипотезе стало не изменение тенденций в мировом или африканском языкознании, а методологическая непроработанность самой гипотезы. Постановка НК языкознания на твёрдый методический фундамент является, по нашему мнению, первоочередной задачей, решение которой может вывести сравнение и реконструкцию на новый уровень как по качеству результатов, так, следовательно, и по уровню доверия к ним со стороны научного сообщества.